

П.Н. Сакулин

Пушкин и Радищев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Сакулин**
Пушкин и Радищев / П.Н. Сакулин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 76 с.

ISBN 978-5-517-83269-6

Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса.

ISBN 978-5-517-83269-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУШКИН И РАДИЩЕВ.

I.

Исследователи не раз с недоумением останавливались перед статьями Пушкина о Радищеве.

Пока шла речь о двадцатых годах, отношения Пушкина к Радищеву не вызывали ни чьих сомнений. Пушкин знал Радищева, ценил его и подражал ему. Осязательными доказательствами служат такие произведения, как «Бова», «Больность» и «Деревня»¹⁾. Даже в тридцатых годах Пушкин продолжал считать Радищева недурным поэтом, а в молодости ему так естественно было откликнуться и на игривую «богатырскую повесть» XVIII в. и на гимны свободе. Отсюда известный упрек Бестужеву (в 1823 г.): «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева?» Всё это прекрасно гармонирует с нашим общим представлением о поэте в александровскую эпоху. Совсем в ином положении оказываемся мы, как только переходим к пушкинским статьям о Радищеве. Тут всё спорно и загадочно. Как будто самый облик поэта начинает дрожать перед нашими глазами, когда мы пытаемся примирить себя с мыслью, что именно Пушкин был автором этих резких статей.

Первая статья Пушкина дошла до нас в неоконченном виде. П. В. Анненков озаглавил ее «Мысли на дороге». Писалась она

---

¹⁾ Уже В. Д. Спасович ставит «Деревню» в связь с «Путешествием» Радищева. (Сочинения, т. II, стр. 218).

в 1833—1834 годах. Вторая, под заглавием «Александр Радищев», относится к 1836 году. Она предназначалась для «Современника», но предписанием главного управления цензуры не была дозволена к напечатанию. Первая статья хотя и в искаженном виде была включена уже в посмертное издание Пушкина и в анненковское 1855 г. Вторая же впервые увидела свет лишь в 1857 г. (в VII, дополнительном томе издания Анненкова). Подлинный текст обеих статей читатель получил только в юбилейном издании Пушкина, вышедшем в 1880 г., под редакцией П. А. Ефремова.

Нечего и говорить, что статьи Пушкина о Радищеве сразу же привлекли к себе напряженный интерес и послужили предметом разнообразных суждений. Впрочем, специальная работа существует только одна: это—очерк В. Е. Якушкина «Радищев и Пушкин», напечатанный в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» за 1886 г., кн. 1, и вошедший затем, почти без всяких изменений, в его сборник «О Пушкине» (М. 1899). Якушкин оказал значительное влияние на взгляды последующих ученых, говоривших о том же предмете.

Вопрос имеет уже довольно длинную и поучительную историю, но до сих пор не может считаться окончательно решенным. Мне хотелось бы заново пересмотреть его и дать ему свое освещение, опирающееся на психологию и миросозерцание Пушкина.

Сделаю сначала обзор литературы и выясню, как обстояло дело до настоящего времени.

II.

Первыми, обязательными читателями Пушкина были, конечно, цензора. В 1836 г. статья «Александр Радищев» побывала в руках многих цензоров, начиная с Александра Лукича Крылова и кончая самим С. С. Уваровым. Последний признавал статью «недурной» и полагал, что, «с некоторыми изменениями», ее можно было бы даже пропустить, но решил задержать потому, что находил «неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и о книге совершенно забытых и достойных забвения».

Запрещение это было повторено Уваровым в 1840 г., когда печаталось посмертное издание Пушкина ¹⁾).

В 1857 г., когда Анненков представил в цензуру VII, дополнительным том Пушкина, пришлось высказаться И. А. Гончарову, исполнявшему тогда должность цензора. Гончаров (в донесении от 6 апреля 1857 г.) посмотрел на статью «Александр Радищев», как на «любопытный исторический эскиз», как на «полный очерк известного вольнодумца времен Екатерины II», не имеющий «никакого отношения к нашей современности» и могущий «разве только послужить материалом будущему историку нравов той эпохи» ²⁾).

Из исследователей первым выступил, конечно, П. В. Анненков. В издании Пушкина 1857 г. он писал ³⁾): «Статья Александр Радищев принадлежит, по нашему мнению, к тому зрелому, здоровому и проницательному критическому такту, который отличал суждения Пушкина о людях и предметах незадолго до его кончины. Пушкин в своей статье показывает, что никакие благие намерения не могут оправдать нарушение узаконенных постановлений и никакие злоупотребления, столь неизбежные в каждом человеческом обществе, не могут извинить слов гнева и враждебных страстей. Для борьбы с недостатками и пороками, Пушкин прежде всего требует от всякого деятеля любви и пребывания в границах закона, — и это составляет высокую и нравственную мысль его дельной и строгой статьи».

---

¹⁾ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I. Спб. 1889. Статья «А. Н. Радищев», стр. 651—652.

²⁾ Голос Земли 29 янв./11 февраля 1912 г., № 20. В номере—особый отдел под заглавием «75 лет со дня смерти А. С. Пушкина». Среди других—статья без подписи (но, очевидно, П. Е. Щеголева, как предположил и André Mazon в книге «Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov», стр. 412, прим. 3) под названием «И. А. Гончаров—цензор Пушкина»; в ней воспроизведено всё «донесение» Гончарова по списку, который хранится теперь в Пушкинском музее Александровского Лицея.—М. И. Сухомлинов также цитирует это донесение по рукописи Архива министерства народного просвещения (Исследования и статьи, т. I, стр. 652—653).

³⁾ Т. VII, ч. II, стр. 3—4. Ср. у Сухомлинова, I, 668.

Как видим, ни Уварову, ни Гончарову, ни Анненкову не приходила в голову мысль о том, что здесь нужно что-то вычитывать между строк. Более того, в 1880 г., характеризуя «общественные идеалы» Пушкина, Анненков определенно говорит о «консервативной теории» поэта, как она отразилась в разных его произведениях тридцатых годов, в том числе в статьях о Радищеве ¹⁾).

К пятидесятым годам относятся еще четыре отзыва: А. В. Станкевича, Н. А. Добролюбова, Павла Ал. Радищева и А. И. Герцена. Общей для них чертой является то, что они также считают статьи Пушкина о Радищеве выражением его действительных взглядов, но, в противоположность Анненкову, полемизируют с Пушкиным.

А. В. Станкевич, родной брат знаменитого Н. В. Станкевича, напечатал в журнале Е. Корша «Атеней» за 1858 г. статью по поводу выхода в свет VII, дополнительного тома анненковского издания и в ней посвятил следующие строки статье о Радищеве ²⁾): «Из биографической статьи «О Радищеве», являющейся впервые на свет, мы можем ознакомиться с мнениями Пушкина о человеке, в котором, с точки зрения исторических и общественных условий, он усматривал только пример для поучения. Поучительная сторона явления закрыла от него другую сторону, трагическую. Нельзя сказать, чтоб это послужило в пользу жизни и ясности биографического очерка».

С возражениями против Пушкина и Анненкова, в защиту Радищева выступил в 1858 г. критик Н. А. Добролюбов, разбирая тот же VII т. анненковского издания. Взгляд Пушкина на Радищева Добролюбов называет «весьма поверхностным и пристрастным». Поэт, по его словам, «нередко впадает даже в противоречия с самим собою». Выяснив эти противоречия, на почве «двойственности» самого Пушкина, Добролюбов делает такой общий вывод ³⁾): «В частных суждениях, в фактах, представленных в

---

¹⁾ П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки. Отдел третий. Стр. 253—4.

²⁾ Атеней, 1858, часть первая, стр. 79.

³⁾ Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова. Под ред. М. К. Лемке. Т. I. Стр. 574—575.

отдельности, постоянно виден живой, умный взгляд Пушкина; но общая мысль, которую доказать он поставил себе задачей, ложна, неопределенна и постоянно вызывает его на сбивчивые и противоречивые фразы».

Горячо запротестовал против мнения Пушкина о Радищеве сын последнего Павел Александрович¹⁾. Его крайне огорчает замалчивание поэтом того факта, что «все знавшие Радищева уважали его, как человека умного, ученого, честного, бескорыстного». Самое «Путешествие», за исключением одной оды, имеет «чисто-практическое содержание»; направление книги и характер автора вообще таковы, что не подают повода к выводам, какие делает Пушкин; в книге собраны «факты из действительности, сведение о которых, приведенное в сознание, могло бы быть полезно, как материал для административных и политических действий». Внося ряд фактических поправок в статью Пушкина, Павел Ал. Радищев бросает поэту упрек, что он, «как видно, мало заботился о достоверности своего рассказа, а хотел округлить статью половче, хотя бы насчет истины». Справедливы лишь замечания Пушкина о слоге Радищева, да и то нельзя забывать, что «таким языком тогда писали все». «Во всем же остальном», говорит Павел Александрович в заключение, «видно незнание фактов или извращение их, и особенно поражает ложный свет и странный, труднообъяснимый взгляд, брошенный на личность Радищева нашим великим поэтом».

Таким образом, ни Анненков, ни Станкевич, ни Добролюбов, ни Павел Радищев не снимали с поэта ответственности за его суждения об авторе «Путешествия».

Новую ноту внес А. И. Герцен.

В 1858 г. Искандер выпустил в Лондоне второе издание «Путешествия», в общем мало удовлетворительное²⁾, и снабдил его

---

¹⁾ Русский Вестник 1858, т. XVIII, декабрь, книжка первая, статья «Александр Николаевич Радищев»; приложение к ней—стр. 428—432. Статья—того же 1858 года, доставлена в журнал А. Корсуновым и сопровождается биографическим очерком Павла Ал. Радищева.

²⁾ См. у Сухомлинова «Исследования и статьи», I, 655—660.

биографическим предисловием, воспользовавшись фактами, какие сообщает Пушкин в своем очерке «Александр Радищев». По мнению Герцена, статья эта не делает «особенной чести поэту»: «Он или перехитрил ее из цензурных видов, или в самом деле так думал—и тогда лучше было бы ее не печатать»¹⁾. Герцен, так обр., сделал два возможных предположения. Своеобразным является первое—«перехитрил». Этому мнению, однако, еще долго суждено было оставаться одиноким.

Выход ефремовского издания Пушкина (1880 г.) и открытие московского памятника заново освежили интерес к нашему вопросу.

А. Д. Галахов в «Истории русской словесности», во втором издании, которое вышло в 1880 г., посмотрел на Радищева глазами Пушкина, прямо ссылаясь на статью последнего и сохраняя даже всю страстность ее тона. Первым и основным грехом Радищева Галахов считает то, что автор «Путешествия» вращался «в сфере общего и отвлеченного» и не принимал в соображение «строю жизни, выработанного историей»²⁾.

На ту же точку зрения, но с большим благодушием, чем Галахов, стал и другой историк литературы, И. Я. Порфирьев. Приведя резолютивные места из статьи «Александр Радищев», Порфирьев замечает: «При всей строгости этого приговора Пушкина, и критика нового времени не находит возможным отвергнуть его», а в доказательство приводятся цитированные мною выше слова Анненкова³⁾.

В 1881 г. В. Я. Стоюнин издал свою монографию о Пушкине. В ней, между прочим, он воспользовался статьей Пушкина о

---

¹⁾ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. Том IX, стр. 275.

²⁾ В. Е. Якушкин ссылается на 2-е издание 1880 г., т. I, ч. II, стр. 273—276. Я цитирую по третьему изданию (1894 г.), т. I, отд. 2, стр. 275. Тот же взгляд на Радищева высказан Галаховым и в статье «Историко-литературные вопросы», написанной по поводу книги Стоюнина «О преподавании русской литературы» (С.-Петербург. Ведом., 1864, № 122. Подпись: Красов.)

³⁾ История русской словесности, ч. II, отд. 2. Первое издание 1884 г. Цитирую по второму изданию, 1888 г.

Радищеве для характеристики «гражданского положения» поэта и усмотрел в ней определенную публицистическую тенденцию. Пушкин тридцатых годов, по его мнению, «только сделался практичнее, убедившись, что один в поле не воин; он стал более на историческую почву, отказываясь от прежних теоретических воззрений на жизнь. Но он остался при своих честных гражданских убеждениях, которые вызывали его служить делу общенародному; а оно отождествлялось в то время с делом государственным». Статья о Радищеве, думает Стоюнин, написана «с видимым намерением высказать, в какие отношения он как журналист, станет к правительству»¹⁾. Не спроста Пушкин упрекает Радищева за излишнюю горячность, говоря, что автору «Путешествия» следовало бы в благожелательном тоне указать правительству и умным помещикам на способы к постепенному устранению недостатков русской жизни, а не выступать с своим дерзким злоречием, ведь правительство не пренебрегало советами людей просвещенных и мыслящих. «Нельзя не видеть», говорит Стоюнин²⁾, «настоящей цели, с какой написаны эти строки. Из них само собою вытекало следующее заключение: правительство, которое поступает иначе, дает оправдание Радищевым в их противозаконных поступках. Из всего этого мы убеждаемся, что Пушкин, отрекаясь от некоторых своих прежних взглядов, не отрекался от своей личности, т. е. от свободы своей мысли».

Серьезное внимание интересующим нас статьям уделил М. И. Сухомлинов в своей работе о Радищеве (1883)³⁾. Он высоко ценит заслугу Пушкина, который, «можно сказать, открыл Радищева и для своих современников, и для русской литературы вообще», и обещает «посмотреть прямыми глазами и на самого Пушкина, как писателя, и не открытого им Радищева, отделив, в су-

---

1) *В. Стоюнин*. Исторические сочинения. Ч. II. Пушкин. Спб. 1881. Стр. 365.

2) *Ibidem*, стр. 368.

3) *М. И. Сухомлинов*. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I, 642—654. Первоначально работа эта печаталась в 32-м томе Сборника II отд. Ак. Н., потом отдельно.

ждениях Пушкина о Радищеве, существенные, основные черты от всего того, что навеяно злобою дня». Сухомлинов не сомневается в том, что Пушкин «признавал Радищева крупною литературною величиною», и своими статьями имел в виду «познакомить современное ему общество с произведением писателя, несправедливо преданного забвению». «Указывая недостатки Радищева, как писателя, Пушкин выставляет и светлые стороны, и перед вами является сочувственный образ человека, совершенно чуждого каких-либо расчетов и не способного мириться со злом, господствовавшим в общественной жизни». Возражая против некоторых суждений Пушкина о Радищеве, Сухомлинов выдвинул два обстоятельства, которые, по его мнению, могли повлиять на тон пушкинских статей. Это, во-первых, полемическое раздражение против литературных врагов. «И внутренний смысл, и даже тон нападок на Радищева»,—пишет Сухомлинов,—«показывают, что не все они направлены по его адресу и что за Радищевым скрывается, в иных случаях, другое лицо». Именно из-за Радищева выступают «ненавистные черты Полевого, уронившего себя в глазах Пушкина и загробную враждою к Карамзину и журнальную дружбою к Булгарину». Так всю характеристику Радищева, как представителя полупросвещения, надо отнести к Полевому. Тем более, что в рукописи значатся следующие слова, потом зачеркнутые: «отыщите у него (т.-е. у Радищева) честность; в остатке будет Полевой». Во-вторых, по мнению Сухомлинова, нужно помнить, что Пушкин находился под давлением цензурных страхов: «При оценке статьи Пушкина, не следует забывать и о том обстоятельстве, что автор находился в ту пору под двойною, и, пожалуй, даже под тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать «в его жестокий век» статью о государственном преступнике с выписками из книги, за которую он приговорен к смертной казни. Пушкину надо было как можно ярче выставить свое неодобрение поступку Радищева и отклонить всякое подозрение в своем политическом единомыслии с человеком, в котором он признавал и необыкновенную силу духа, и рыцарскую совесть. Пушкин предвидел затруднения, угрожавшие ему со стороны цензуры, но

не в силах был отклонить их. Цензура не пропустила статьи Пушкина, как он ни «перехитрил ее из цензурных видов» (650 стр.).

Значит, Стоюнин и Сухомлинов приписывают Пушкину известную публицистическую тенденцию, а Сухомлинов, кроме того, воскрешает старую идею Герцена («перехитрил»).

Писал об отношениях Пушкина к Радищеву, далее, проф. А. И. Незеленов в 1883 г.,—в очерках «Литературные направления в екатерининскую эпоху», которые печатались сначала в «Историческом Вестнике» за 1882—1887, а отдельной книгой вышли в 1889 г.¹⁾ Как Галахов и Порфирьев, Незеленов, при оценке Радищева, всё время держит в памяти Пушкина, Воззрения поэта на Радищева, «разновременные и даже одновременные», кажутся Незеленову (как ранее Добролюбову) «противоречивыми и неясными». Тем не менее в своих суждениях он исходит именно из Пушкина, разжижая его своими моральными размышлениями и делая из его мыслей иногда весьма своеобразное употребление. Так, Пушкин выразился, что, если вспомнить условия, при которых появилось «Путешествие», то «преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего». Незеленов ухватился за эту фразу и пишет: «Нечаянно высказанная гениальным писателем догадка, быть-может, и поясняет всё дело. Не был ли Радищев, этот «фанатик», поступивший, очевидно, очертя голову, непостижимо опрометчиво, не был ли он человеком, одержимым манией? Наклонность к мании у него несомненно была. Так, можно заметить, что его всю жизнь преследовала *idée fixe*—постоянная мысль о самоубийстве» и т. д.²⁾ В рецензии на работу Сухомлинова о Радищеве Незеленов еще раз коснулся пушкинских статей³⁾. Ана-

---

¹⁾ Собрание сочинений проф. А. И. Незеленова. Т. IV. Стр. 310—311, 337—340, 393.

²⁾ В заметках 1889 г. «Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина» по рукописям Румянцевского музея Незеленов также применяет к Радищеву эпитет «сумасшедшего человека», но с ограничительной оговоркой в скобках «как думал Пушкин». (Шесть статей о Пушкине. Спб. 1892. Стр. 71).

³⁾ Первоначально в «Истор. Вестнике», 1883, дек. Перепечатано в приложениях к книге «Литерат. направления в Екатерининскую эпоху».

лиз Сухомлинова он нашел «чрезвычайно интересным» и «весьма остроумным», но автор, по его мнению, «недостаточно рассмотрел, или как-то оставил в тени то, что Пушкин говорит против «Путешествия из Петербурга в Москву». Нам кажется, что в отношениях Пушкина к Радищеву была двойственность, которую сам поэт не мог себе выяснить и распутать».

Теперь нам надлежит перейти к Якушкину, но предварительно спросим себя, что же, в конце-концов, было сделано до него для уяснения пушкинских статей. Я оставляю в стороне всё, что относится к квалификации этих статей: здесь дело сводится к общественно-политическим убеждениям самих исследователей, к их «либерализму» или «консерватизму», а это в данном случае совершенно неважно. Основной вопрос состоит в том, каково было действительное отношение Пушкина к Радищеву в тридцатых годах. Большинству исследователей взгляд Пушкина кажется неясным. Добролюбов уличает Пушкина во внутренних противоречиях, Незеленов—в той же «двойственности». По мнению Стоюнина, Пушкин затемнил свой действительный взгляд тем, что хотел косвенным образом изложить свои писательские требования к правительству, а Сухомлинов полагал, что Пушкин в скрытом виде полемизировал с Полевым. Значит, в обоих случаях Пушкин примешал к оценке Радищева побочные, публицистические цели, и нужно уметь отделять эту незаконную лигатуру от драгоценного металла его мыслей о Радищеве. Наконец, Герцен и Сухомлинов подозревают, что Пушкин в угоду цензуре постарался завульгаризировать свои мысли и, может-быть, «перехитрил». Только Анненков, Галахов и Порфирьев твердо уверены, что Пушкин высказал свой подлинный взгляд на Радищева, взгляд строгий, но справедливый.

III

Резюмируя, с своей стороны, результаты, к которым пришли писавшие до него, Якушкин говорит ¹⁾: «Односторонность—общий

---

¹⁾ Стр. 21—22 отгиска из «Чтений» или стр. 25 сборника «О Пушкине».